

Далеко в космосе, в месте, у которого нет точного определения, сидели три души, и занимались своим обычным времяпрепровождением — игрой в карты. Надо сказать, что описываемые души были когда-то мужчинами.

В прошлой жизни их звали: Бобкин, Евгений Павлович и Лошадев. Видимо, когда-то Евгений Павлович был начальником, может, и не слишком большим, но все же обращались к нему по имени-отчеству.

— Ну-у, Евгений Павлович — сказал Бобкин, — ты меня удивил. Жульничаешь небось, а? — И он со значением подмигнул сидящему слева от него Лошадеву.

— Да-с-с, сударь мой, — заметил тот.

— Ну согласитесь, сжульничал? — не унимался Бобкин. — Откуда туз?..

Евгений Павлович холодно посмотрел на Бобкина. По его глазам было видно — Бобкину просто нечем крыть, он оттягивает время. Поэтому Евгений Павлович спокойно продолжал испускать темно-серый цвет.

— Ну? Ну, скажи, смухлевал? — не унимался Бобкин.

Обвиняемый холодно смотрел на него.

— Ну ладно, — неожиданно стушевался Бобкин и забрал карту.

— Батенька, — вдруг вздохнул Лошадев, обращаясь к Бобкину, — не пытайтесь

хитрить. Я давно чувствую ваше неуместное, и даже более — неумелое колдовство. Для того, что-бы сделать туз бубновой десяткой, нужно сказать «каралбн» — и он, покачивая головой, отвернулся.

— Да ладно, чего уж, — поник головой Бобкин. Игра продолжалась.

— Евгений Павлович, — тихонько и ласково протянул Бобкин, — да хватит тебе дуться. Давайте лучше все вместе поговорим, как это принято называть у тех, — он неопределенно показал пальцем в бок, — о хоро-шем.

Лошадев неожиданно передернулся и заговорил гнусавым раздраженным голосом:

— Я бы вас попросил не говорить таких слов в на-шем кругу. Не можете вы обойтись без чего-нибудь эдакого. — Он покрутил растопыренными пальцами.

— Да ладно, ладно, — хлопнул его по плечу Бобкин, — не подбреешь, не бойся...

Лошадев опять вздрогнул и уже с явным признаком ненависти глянул на него.

— Я попросил бы вас... — начал он.

— Заткнись, — цыкнул Бобкин и добродушно рас-смеялся, — колода кончи-лась.

Сам Бобкин нервничал. У него были далеко не са-мые лучшие карты, и он пытался создать впечатление беззаботности.

Лошадев с видом обре-ченного посмотрел на свой карты, и, чтобы хоть как-то расслабиться, завел разго-вор.

— Вы только послушайте. Нет, вы только вдумай-тесь, как нам хорошо. Си-дим. Играем. Никаких заботушек. Перед нами же вечность.

— А правда ведь! Хоро-шо! Поддержал его Боб-кин. Нам не надо, как этим, стремиться куда-то. Доби-ваться. Чего и зачем? — Он поморщился и повернул голову к Евгению Павлови-чу. — А ты как думаешь?

Тот поднял бровь, раз-глядывая карты, и в задум-чивости произнес:

— Наверное, каждому нужно что-то свое. Потому мы и сидим здесь, а они там.

Бобкин выкатил глаза, обдумывая услышанное.

— Ну, ласковый вы мой, — улыбнулся Лошадев, — вы заблуждаетесь, как и те. Надо ведь: нужно что-то свое. Нет. От вас я этого не ожидал. Может быть, вы их оправдываете? — сказал он в замешательстве.

Евгений Павлович отри-цательно покачал головой.

— Тогда я вас совершен-но не понимаю. Вы мне только скажите, что им дает вечная суета? Рвение? Ведь на эти души, как глянешь — плюнуть хочется, извините за выражение.

— А чего вы все время извиняетесь? — не выдержал Бобкин. — Вам ведь по штату не полагается.

— Да так, — вытянул лицо Лошадев, — привычка.

— Если такие привычки, чего здесь делаешь? — рас-палился Бобкин. — Шел бы к тем.

Лошадев вздрогнул. В его глазах загорелись крас-новатые точки.

— Оставьте его, — хо-лодно оборвал спор Евге-ний Павлович. — Я же ска-зал. Каждому свое. Только Он делает так, что одни здесь, а другие — там. И вовсе не важно, любишь ли ты свет или темноту. Хотя, — он задумался, — по-мое-му, без этого там делать нечего...

Бобкин с уважением про-изнес:

— Философ.

— Говоря проще, батень-ка, — заинтересовался Лошадев, — вы хотите ска-зать, что главное — поступ-ки?

Евгений Павлович кив-нул.

— Что ж, — задумался Лошадев. Это интересная точка зрения. Но ведь так получается, что человек, делающий хорошие поступки, но не любящий свет (я надеюсь, вы понимаете, что свет — это в обобщающем смысле) также может по-пасть к этим?

Евгений Павлович ниче-го не ответил.

— Да-с-с, дорогой вы мой, — с легким раздражением произнес Лошадев. — Да-с-с.

Помолчав минуту, он медленно, прищурив глаз, сказал:

— И вы можете предполагать, что даже моя привычка является, гм, следствием любви к свету, и может привести к тому, что у меня ещё будет шанс исправиться?

— По-моему, вам его давали и не раз.

— Да, давали. Но я не виноват, что, появляясь в обличии материи, теряю все воспоминания и цели.

Бобкин давно перестал слушать своих товарищей и занимался тем, что время от времени поглядывал на медленнодвигающуюся вдали галактику, на проплывающие мимо души. Одна из них имела такой черный цвет, что Бобкин первоначально принял её за «черную дыру», но, взглядевшись в излучение, понял, кто это, и быстро спросил вдогонку:

— Где такой оттенок можно приобрести?

Но та лишь фыркнула в ответ и исчезла.

— Женщина, небось, — подумал Бобкин. — Вредина.

Его грызла зависть. Сам он кроме светло-коричневого оттенка с мелкими черными точками ничего излучить не мог.

— Ещё бы дали попытку, — вздохнул он. — Уж тогда бы я не оплошал, заработал бы бархатисто-черный цвет. Был же у меня однажды светло-черный. Так нет. Уго-раздило попасть в семью монаха.

— Мы играем или нет? — спохватился Бобкин.— Хва-тит. Небось, опять под шу-мок жульничайте? Откуда второй козырной туз у Лошадева? Он ведь сейчас отыграется! — Бобкин осек-ся под пронзительным взглядом Евгения Павлови-ча. — Да ладно. Я пошутил. Моя работа.

Туз превратился в шес-терку.

Лошадев гневно пос-мотрел на Бобкина:

— Вы... вы...

— Не сопи, — пробормо-тал Бобкин, ощущая на себе взгляд Евгения Павловича.

Вся компаний в течение нескольких минут молча продолжала игру. Вскоре Лошадев проиграл.

— Не горюй, — похлопал его по плечу Бобкин. — Ещё успеешь отыграться. Ну, а сейчас мы с Евгением Пав-ловичем отойдем по прави-лам в сторонку и подума-ем.

— Как будем наказывать? — шепнул он Евгению Пав-ловичу. — Предлагаю пере-крестить. — Он гоготнул. — Уж тогда-то он повертится.

Евгений Павлович молчал, поджав губы.

— А ещё лучше, — посоветовал Бобкин, — отправить его в черную дыру. Пускай знает, как проигрывать.

Он посмотрел в сторону Лошадева. Тот поежил-ся. Евгений Павлович молчал.

— Ну? — с нетерпением произнес Бобкин. — Чего молчишь? Предлагай.

Евгений Павлович смотрел в одну точку. Наконец он произнес.

— Отправить его на землю... Смеху-то будет, когда он вернется.

— Да ты чего, — удивился Бобкин, — а если он черный цвет займет? Представляешь, как гордиться будет. Сейчас-то у него бледненький. Коричневый.

— Он ведь опять все забудет, — с легкой настойчивостью сказал Евгений Павлович.

— Ему в теле не до цвета будет.

— А вообще-то давай, — загоревшись идеей, с жаром произнес Бобкин. — Интересно, что из этого щупленького выйдет. А ну, как священник? Он захотел и еле выдавил. — Представляешь?

Немного успокоившись, он произнес:

— Вызываем главного?

Евгений Павлович слег-ка кивнул. Бобкин медлен-но сказал заковыри-стое слово, и спустя мгновение все услышали громоподоб-ный голос, доносившийся со всех сторон.

— Ну? — с нетерпением произнес кто-то.

— Мы хотели бы, — робко произнес Бобкин, — отправить этого, — он кив-нул в сторону Лошадева, — на землю. В качестве нака-зания. Ну и... — он ухмыльнулся, — для смеха...

— Понятно, — хохотнул голос.

Лошадев неожиданно» исчез.

— Он на земле,— проро-котало пространство и за-тихло.

— Подождем, — делан-но торжественно сказал Бобкин.

Спустя некоторое вре-мя к ним подошла какая-то душа и чуть робко спрoси-ла:

— Можно мне с вами?

— Что? — оборвал нерв-но Бобкин.

— Играть.

— Нет! — отрезал Бобкин. — Сейчас вернется наш партнер, и мы продолжим.

— Вы ещё не знаете? — удивился подошедший.

— Что? — чувствуя раздражение, сказал Бобкин.

— Он же попал к тем.

— Че-го-о? — опешил Бобкин.

— Я говорю, он попал к тем. Светлым.

— Как? — остолбенел Бобкин. — Он же наш. Темный.

— Не знаю, — с безразличием ответила душа. — Говорят, он исправился. Теперь голубого цвета.

— Голубого, — скривил губы Бобкин. — Я всегда догадывался, что из этого Лошадева не выйдет ниче-го путного. Интеллигент. Следовало ожидать. Привычки у него.

Бобкин мотнул головой.

— Так мне можно с вами? — повторила душа.

Бобкин вопросительно посмотрел на Евгения Павловича. Он кивнул.

— Бледненький ты какой-то, — поморщился Бобкин. — Да, ладно. Садись.

Новичок плохо играл, и Евгений Павлович легко сделал так, что он проиграл. Бобкин во время игры увлекся картами и не слышал, о чем говорил Евгений Павлович и Кошкин (так звали новенького). Лишь в конце игры, когда они договаривались, каким будет наказание проигравшему, Бобкин заметил, что Евгений Павлович уже в который раз советует отправить новичка на землю. Он даже настаивал на этом. Бобкин подозрительно посмотрел на Евгения Павловича и вдруг с ужасом заметил, что тот стал светло-черного цвета.

— Постой-ка, — ахнул он. — Ты ведь, когда пришел сюда, был черным. А теперь... Как так вышло? Ты же не делал ничего доброго? Так как же ты умудрился?

Евгений Павлович молчал.

И тут Бобкин вскрикнул:

— О чем, о чем ты говоришь со всеми игроками? Теперь мне понятно, почему они все возвращались обратно. Твоя работа?

— Ах, ты, — он зажмурился и выдавил, — предатель.

Евгений Павлович спокойно посмотрел на Бобкина и медленно, с расстановкой произнес.

— Зови главного. Проиг-равший ждет.

Странно, но Бобкин подчинился. Он уже как-то незаметно для себя привык во всем подчиняться этой спокойной, хладнокровной душе.

Кошкина отправили на землю. Он, как и предполагал Бобкин, больше не вернулся.

Спустя некоторое время Бобкин заметил, что черных пятен на нем больше нет. Более того. Он стал думать, так ли уж нужна ему эта беззаботная вечность и бесконечная игра.

Иногда он вспоминал о бархатно-черном излучении и с ужасом глядел, как становится все светлее. Но он откидывал все мысли и думал: «Пропадать, так пропадать».